

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

М. А. ФЕЛЬДМАН

Научные публикации 2017 года к столетию Октябрьской революции и российское общество

В статье дан анализ наиболее примечательных статей в научных журналах 2017 г., посвященных столетию Октябрьской революции, что позволяет проследить эволюцию подходов исследователей в контексте эволюции современного российского общества. Сделан вывод о том, что расхождение взглядов исследователей на характер и причины Октябрьской революции – вполне нормальное явление до тех пор, пока не деформируется воздействием со стороны властных структур. Указаны позитивные изменения в историографии Октября 1917 г.: большинство историков рассматривают эти события как вариант буржуазно-демократической революции, затрудненный для понимания ультралевой, уравнилельской формой революции, с первых же дней советской власти окутанной мифологическими конструкциями.

Ключевые слова: Октябрьская революция, подходы, большевики, народные массы, модернизация, история, элиты, рабочие, общество.

DOI: 10.7868/S0869049918030073

Столетний юбилей Октябрьской революции в России позволил еще раз провести “сверку” взглядов историков на событие, которое еще недавно рассматривалось как важнейшее во всей мировой истории. Вновь, как и десять лет тому назад [Материалы... 2008, с. 167–211], очевидно наличие глубоких и принципиальных расхождений позиций исследователей.

Подобная дифференциация подходов не случайна: в ней отражается не только продолжение традиций определенных научных школ и верность политическим убеждениям; не только заметен глубокий раскол в российском обществе в оценках Октября¹ и воздействие части властных структур, убеждающих в случайности революции [Никонов 2011], в преобладающей роли внешнего фактора. При глубоком социальном расслоении современного российского общества очевидно наличие противоположных взглядов у “новых богатых” и “новых бедных”, в том числе и в научном сообществе. Анализ статей

¹ Как следует из ряда опросов, которые проводили специалисты Института социологии РАН, россияне воспринимают Октябрьскую революцию 1917 г. неоднозначно: почти треть россиян (32%) затрудняются хоть как-то оценить это событие. Еще одна треть (29%) считают, что “пользы и вреда было примерно в равной мере”. 21% респондентов полагают, что революция принесла “больше пользы”, а 19% – что “больше вреда” [Хамраев 2017].

в научных журналах 2017 г.², посвященных столетию Октябрьской революции, позволяет проследить эволюцию подходов исследователей в контексте эволюции состояния современного российского общества. В этом автор видит задачу предлагаемой статьи.

Идея социальной справедливости, выраженная в учении Конфуция и в раннем христианстве, в различных оболочках существовала в мировом сообществе по крайней мере последние две тысячи лет. Там, где “сжатие” хода обычной жизни из-за катаклизмов, войн или иных глобальных потрясений “зашкаливает”, а по точному определению патриарха Русской православной церкви Кирилла “национальная элита оказывается неспособной адекватно ответить на вызовы времени” (цит. по [Яковлева 2017, с. 2]), социальный протест выходит на поверхность общественного пространства, обретая самые радикальные формы.

Одним из выводов, к которым пришло большинство профессиональных историков в год столетия революционных событий 1917 г., стало заключение о неслучайности Октябрьской революции. Характер Октябрьской революции, пишет И. Пантин, один из отечественных “классиков” революционной темы, определялся не столько противоречиями пролетариата и буржуазии (хотя, конечно, и ими тоже), сколько конфликтом разных форм и средств приобщения страны к современной (естественно, в тогдашнем понимании) цивилизации, различием способов завоевания ее основных предпосылок. Вот почему ни категория капитализма сама по себе, ни понятие социализма как таковое не выражают специфического характера Октябрьского переворота, равно как и всего последующего периода [Пантин 2017, с. 143]. Сам по себе революционный взрыв был случайностью, но поскольку прогресс в России, не переставая быть буржуазным по своему экономическому содержанию, оказался невозможным в тех условиях без социальных и экономических мер, которые выходили за пределы “допустимого” для буржуазии, следует говорить о неслучайности Октябрьской революции [Пантин 2017, с. 144].

Пантин касается самого трудного на сегодняшний день вопроса: о роли в революции народных масс. Для него активное участие самых различных социальных групп – есть и доказательство обоснованности Октября, и подтверждение слома прежнего порядка “снизу”, и залог успехов советского проекта модернизации страны [Пантин 2017, с. 146]. Выскажу мнение, что подобный тезис нуждается в дополнительных исследованиях, раскрывающих историческую динамику такой поддержки.

Приведенное выше замечание отталкивается и от обоснованной мысли Пантина: «Октябрьский переворот детонировал вековые конфликты, дремавшие в российском обществе и, казалось, преодоленные историей. Взаимное отторжение разных социальных и национальных групп, антагонизм “барина” и “мужика”, “белой” и “черной” кости, крестьянская вендетта против городов, неодолимая жажда справедливости, овладевшая неразвитыми массами, анархическое своеволие “низов”, бандитизм и т.п. – все это многократно увеличивало масштаб насилия» [Пантин 2017, с. 148]. Насилие, возведенное в ранг государственной политики, может только на время скрепить государство. И добавлю, нам известен срок жизни государства, рожденного в октябре 1917 г.

Примечательна точка зрения директора Института российской истории РАН Ю. Петрова, подчеркнувшего, что поиск “виновных” в революции, предполагающий в этом качестве то “деструктивную деятельность” российской либеральной общественности, то конспирологическую активность “элит”, имеет мало общего с научными методами. Конспирологический подход, претендующий на новизну, на самом деле весьма архаичен и по характеру используемых авторами источников, и по их пониманию исторических процессов [Петров 2017, с. 6–7].

С учетом непостижимой (с точки зрения соблюдения научных принципов) популярности конспирологической теории в современной России, облакаемой в форму

² Речь идет о статьях в журналах “Российская история”, “Вопросы истории”, “Новая и новейшая история”, “Общественные науки и современность”, “Социологические исследования”, “Политические исследования”, “Россия и современный мир”, опубликованных к ноябрю 2017 г. – времени написания предлагаемой публикации.

утверждений о “решающем факторе” германских денег в революции 1917 г. [Макмикин 2017]; в конструкциях об изменчивом поведении подкупленных иностранными агентами либералов или социалистов – четко обозначенная позиция Петрова говорит о способности профессиональных историков противостоять “ветрам околонуточного познания”. Примечательно и то, что наиболее информативная статья Б. Хавкина в журнале “Вопросы истории” [Хавкин 2017] по проблеме германских денег в революции 1917 г. оставляет читателя в недоумении: как соотносятся выделенные Германией валютные транши для большевистской партии с общим объемом потраченных ленинцами денежных средств?

Отметив все сложности и тяготы военной ситуации в России (но не превосходившие сложности и тяготы других воюющих держав), Петров фактически указывает на главную причину революционного взрыва в феврале 1917 г.: неспособность власти к диалогу с общественными организациями в критический момент российской истории [Петров 2017, с. 12–13]. Но и к Октябрьской революции 1917 г. применимо определение “системного кризиса патерналистской модели властвования, не сумевшей вовремя перестроиться и терявшей политическую легитимность в глазах различных слоев населения” [Петров 2017, с. 8]. Не берусь судить, насколько часто совпадают в мировой практике позиции руководителя академического института и главы Церкви по принципиальным вопросам научного познания. Но (судя по приведенным выше высказываниям) по вопросам оценок причин революционных событий 1917 г. в России они совпали.

По мнению В. Булдакова, историка, внесшего значительный вклад в изучение причин и хода революции 1917 г., лидеры Временного правительства оказались не готовы к решению сложных задач в условиях того “политического цейтнота”, в котором оказалась страна в марте–октябре 1917 г. В результате “революция не прощает тех, кто бездарно претендует на роль ее лидера” [Булдаков 2017, с. 11].

Справедливости ради необходимо сказать, что целый ряд мероприятий в сфере социальной политики Временное правительство сумело реализовать, в частности, существенно снизив статистику стачечного движения [Орлова 2007]. Однако решение главных и острейших вопросов было либо отложено (аграрный вопрос), либо (выход из войны) вообще не рассматривалось. Скорее, не бездарность, а отсутствие управленческого опыта и неумение просчитывать риски подвели столь популярных у историков 1990-х гг. таких политических фигур, как П. Милюков и А. Гучков, А. Керенский и В. Чернов: 1917 г. потребовал от российских политиков всех уровней невиданной ранее способности “к гибкости в критических ситуациях” [Медушевский 2017, с. 111].

Говоря об исключительной сложности и противоречивом переплетении исторических процессов в марте–октябре 1917 г., А. Медушевский отмечает, что “специфика Русской революции по сравнению с классическими европейскими состояла в попытке одновременного решения трех проблем – перехода к демократии (гражданскому обществу), правовому государству и новому национально-территориальному устройству (федерализм). Эти три направления трансформации, соединенные в узком периоде времени и проходившие в экстремальных условиях Первой мировой войны, вступали в конфликт друг с другом и завершались коллапсом демократической системы, контуры которой начали было оформляться в ходе Февральской революции” [Медушевский 2017, с. 99].

Эта мысль не только ведет к пониманию *многогранности и трудной постижимости* событий Октябрьской революции 1917 г. в России, но и ставит вопрос о необходимости очередности реформ даже в мирное время, не говоря уже об условиях мировой войны. Но указав на очевидный трагизм (“коллапс”) реформирования страны как одного из путей ее модернизации, Медушевский говорит и об *объективных предпосылках Октябрьской революции*: секрет быстрого успеха большевистской революции заключался в том, что “ее идеология соответствовала массовому сознанию доиндустриальной эпохи, причем распространение революции останавливалось именно там, где сознание было другим (это видно географически)” [Медушевский 2017, с. 100].

В этом в немалой степени заключался не только ответ на сложный вопрос: каким образом леворадикальная партия смогла не только захватить и удержать власть

в гигантской стране, но оказалась способной обеспечить иной, “варварский” ([Материалы... 2008, с. 170]), путь перехода от традиционного общества к индустриальному, включавший отказ от сословного общества, расширение уровня социальной мобильности; создание новой экономической и социальной инфраструктуры; решение аграрного вопроса (путем фактического уничтожения традиционного крестьянства в ходе коллективизации); урбанизацию; секуляризацию сознания; развитие массовой культуры (всеобщая грамотность и создание квалифицированной рабочей силы) и многое другое [Медушевский 2017, с. 99].

Опора на социальные низы означала заполнение аппаратных должностей всех уровней массой малообразованных, непрофессиональных выдвиженцев, зачастую с низким культурным потенциалом. Это не могло не привести как к взаимодействию, так и к столкновению с теми, кого советская историография называла “буржуазные специалисты” и “эксплуаторские элементы”; “непролетарские” слои населения. Трагизм постоянного морального и физического унижения и прямого уничтожения “бывших”, причем часто со стороны лиц, явно малообразованных, недостойных тех властных полномочий, которые дала им новая власть, – неотъемлемая черта всех революций. Но специфика “пролетарской революции” в России заключалась в причислении к числу “неполноценных” граждан большинства населения.

По точному замечанию Пантина, “в России революция сразу же приняла насильственный характер. Это определялось, с одной стороны, радикализмом предстоящих перемен, с другой – вовлечением в борьбу народных масс” [Пантин 2017, с. 147]. И ожесточение сторон, приведшее “к превращению пролетарского насилия в якобинский террор, для которого внутренние границы насилия теряют всякую определенность”, были вызваны не Гражданской войной, как утверждает историк, за плечами которого по меньшей мере полвека изучения причин и характеристик революционного процесса в России, а глубиной раскола и разрыва российского общества по множеству направлений: сословных, классовых, территориальных, групповых и личностных.

Известный и доказанный масштаб крушения миллионов судеб граждан России с самых первых месяцев существования Советского государства *вынуждает менять плоскость оценок, еще недавно казавшихся бесспорными*. Так, тезис об Октябре 1917 г. как “глубоко народной, хотя и не социалистической революции” [Пантин 2017, с. 143] явно нуждается в уточнении: в какой степени – “народной”? Лозунг большевиков о немедленном выходе из войны действительно был поддержан солдатскими массами, большинством гражданского населения, обусловив антивоенный характер Октябрьского переворота. Однако готовность ленинцев (по крайней мере, до осени 1923 г.) принести в жертву свою страну ради победы мировой революции явно расходилась с пожеланиями самих жителей России.

Лозунг левых партий о конфискации помещичьих земель, поддержанный большинством крестьянства, во многом был блокирован декретами советской власти, ограничивающими свободную торговлю с первых месяцев 1918 г. Это же касается широко распространенного положения о решении в ходе Октябрьской революции буржуазных преобразований в “социалистической упаковке” [Пантин 2017, с. 143]. Целый ряд постановлений большевистской власти уравнительного характера не создавал, а разрушал пространство буржуазного общества, присущего раннекапиталистической стадии развития. Не случайно спустя столетие в современной России вновь возродились некоторые черты стадии раннего капитализма.

Миф о “социалистическом характере” Октябрьской революции не воспринимается сегодня всерьез подавляющим большинством историков. В современной России только для сталинистов и тех, кто так и не расстались с прежними догмами, восходящими к “марксизму-ленинизму”, СССР остается адекватным воплощением социализма, а Октябрьская революция – “подлинно социалистической” [Бузгалин 2013, с. 11].

Вместе с тем открытым и недостаточно изученным является характер и содержание “социалистической” идеологии, пронизывающей весь советский проект. По определению Пантина, социалистическая идеология в упрощенной и нередко примитивной

форме оказалась адекватной настроениям и чаяниям масс не потому, что соответствовала наличным экономическим и социально-культурным условиям России, а потому что “несла с собой новые возможности политической борьбы за радикальное обновление социального строя” [Пантин 2017, с. 146–147].

В этом знаменательном определении идеологии Октября, пожалуй, видна не только эволюция взглядов видного исследователя теории и революционной практики марксизма, но и трансформация истории социалистической мысли в целом. Идеология, адекватная настроениям и чаяниям малограмотных социальных низов; не соответствующая “наличным экономическим и социально-культурным условиям России”; основное содержание которой составляли бланкистские принципы захвата власти ради абстрактного и неопределенного контура “радикального обновления социального строя” – лучше не скажешь о преобладании радикализма и волюнтаризма в воплощенном в России варианте марксизма.

Исходя из небесспорного тезиса, что “лучшая информация – это отсутствие информации”, замечу: из определения “социалистическая идеология” выпала “сущая малость” – идея “социальной справедливости”. Речь идет не о забывчивости или оговорке конкретного исследователя. Подобное словосочетание вообще редко встречается в статьях 2017 г., посвященных “революции угнетенных”! Вслед за сознательной и целенаправленной девальвацией и дискредитацией в общественно-политическом пространстве и даже определенном вытеснении из научного обихода таких понятий, как “либерализм” и “демократия”, видимо, пришел черед и идеи “социальной справедливости”. Столетие самой активной, нередко демагогической, эксплуатации лозунга “социальной справедливости” не прошло даром, оставив, помимо реализованных и нереализованных конкретных социальных программ, и отношение граждан к подобным тезисам.

В этой связи мнение В. Согрина: Октябрьская революция – революция народная, поскольку ее смысл “в постижении главного качества российской народной ментальности как стремления к социальной справедливости” – нечастое явление в юбилейной историографии. Соперничество либерализма и социализма в России в октябре 1917 г. закончилось победой левых партий во многом потому, что народ был доведен “до крайности”. “Не доводите народ до крайностей – не будет революций!” [Согрин 2017, с. 5]. Очевидно, что либералы воюющих держав, активно поддерживав империалистическую войну, сами дали социалистам в руки весомые козыри. Идеологическая дискуссия лидеров большевизма и либерализма по вопросам переустройства мира, подчеркивает Согрин, с первых месяцев существования Советской республики носила бескомпромиссный характер, заряжая обе стороны воинственной имперской фразеологией и практикой конфронтации.

В статье еще одного ветерана исследований революционного процесса в России – Ю. Красина, говорится о том, что Октябрьская революция дала “реальную альтернативу тому типу государственности, который сформировался на базе капиталистическо-индустриализма” [Красин 2017, с. 11]. Но что же это был за тип государственности, рожденный в Октябре 1917 г.? Дальнейший текст статьи свидетельствует: “... антиномичная двойственность советской системы, красной нитью проходящая через всю историю СССР” [Красин 2017, с. 15], как раз и проявилась в том, что *создание индустриальной базы стало главным и основополагающим содержанием советского проекта.*

“Антиномичная двойственность советской системы”, начиная с событий конца Октября 1917 г., может служить методологическим основанием исследований леворадикального взрыва лишь постольку, поскольку из множества векторов и направлений действий различных социальных сил, собственно и составляющих феномен событий Октябрьской революции, можно выделить два основополагающих: рациональный, связанный с индустриализмом, объективной необходимостью (в том числе ради выживания режима) ориентирования на научно-технический прогресс; другой вектор – утопический, насыщенный множеством мифов, рожденных пропагандистскими структурами Советской республики. И наполнение содержания советского проекта “большим гуманистическим

смыслом” [Красин 2017, с. 15] определялось причудливым симбиозом романтизации задач индустриализации, укрепления обороноспособности страны и произвольно завышенных оценок достижений советской социальной сферы вне какого-либо сравнения с аналогичными показателями в других странах.

Семнадцатый год, отмечает Ю. Оганесьян, “во многом унаследовал бессмысленную жестокость русского бунта, ибо и в этой своей части, как и в целом, был событием глубоко национальным и, подобно пугачевщине, имел явно выраженные свойства стихийности, иррациональности, слепой ненависти... Но вместе с тем революция была и продуктом западного рационализма, с характерными для него расчетливым прагматизмом и циничной беспринципностью в политике. Большевики не нуждались в христианской морали, четко различающей добро и зло” [Оганесьян 2017, с. 26]. Следует сказать, что и христианская мораль не нуждалась в большевиках, но убрать иконы из жилищ коммунистов оказалось нелегким делом [Сыренчиков 1928, с. 14], а вытравить приверженность религиозным принципам у значительной части жителей России не удалось за все годы советской власти.

Использование выражения “западный рационализм” прочно вошло в тексты публикации общественно-политической тематики. Но “утверждение рационалистической практики в большевистской России (даже в самом причудливом и непоследовательном виде) могло осуществиться только при наличии рационалистических начал во времена правления Романовых. Множество примеров – от эволюции дореволюционных планово-регулирующих структур в советские учреждения” [Дробижев 1966, с. 74, 77–79] до колоссального значения роли генштабистов довоенных выпусков в создании Красной армии [Ганин 2016] – подтверждают это утверждение. Да и в самой большевистской элите люди с инженерным образованием были не редкостью. С этой позиции не В. Ленин или Л. Троцкий, а Л. Красин олицетворял симбиоз подпольщика-боевика и технического руководителя, адекватного условиям первых десятилетий XX в.

Последнее десятилетие стало временем своеобразной эволюции взглядов ряда историков на тот социальный социум, который весь советский период рассматривался как демиург Октябрьской революции – на рабочий класс. Стрелка оценок ряда исследователей, по сути, перевернулась на 180 градусов, следуя не столько результатам научных поисков, сколько переменам в общественном сознании, мнению той части элиты, которая максимально выиграла от результатов антинародной приватизации.

Статья Б. Миронова [Миронов 2017^b] имела целью дать ответ на глобальный вопрос: кем же был пролетариат России – революционным авангардом и гегемоном исторических событий 1917 г. или сообществом маргиналов? Следует согласиться с выводом автора о том, что российские рабочие не смогли сыграть роль революционного авангарда и гегемона в революционном движении, поскольку в силу ряда социальных, экономических, культурных и психологических факторов не сформировались в класс и не обладали, как пишет Миронов, пролетарским социалистическим мировоззрением [Миронов 2017^b, с. 112]. Во многом это исходило из закономерностей формирования промышленных рабочих России: крестьянское прошлое изживалось противоречиво, медленно и болезненно, а численность городского населения увеличивалась преимущественно за счет сельских мигрантов. Характерно, что накануне революционных событий в 1917 г. 42% рабочих России владели землей, в том числе 28% вели свое хозяйство [Миронов 2017^b, с. 99–100].

В социобиологическом и психологическом отношении российские рабочие, отмечает Миронов, представляли собой “нездоровое сообщество – агрессивную и гремучую массу, готовую взорваться при неблагоприятных обстоятельствах. К тому же основная их часть концентрировалась в немногих промышленных центрах и особенно – в двух столицах, что делало их еще более социально опасными” [Миронов 2017^b, с. 104]. Отсюда вывод автора не оставляет сомнений: ничего, кроме криминальных наклонностей, перманентного конфликтного состояния фрустрации, такая “гремучая масса” не могла привнести в политическую жизнь России, легко поддаваясь пропаганде антиправительственных сил.

В другой статье этого автора эта мысль доводится до логического завершения: в силу подобных характеристик роль массовки или марионеток, “пушечного мяса” была *a priori* уготована пролетариям [Миронов 2017^a, с. 28]. Вот здесь хотелось бы возразить: Миронов фактически рассматривает социум промышленных рабочих как единое целое. Однако неоднократно подчеркивалось: в этом социуме сосуществовали социальные группы – собственники и пролетарии с различными социокультурными характеристиками, что и определило их диаметрально противоположные позиции по отношению к Октябрьской революции, к выборам в Учредительное собрание, к событиям Гражданской войны [Постников, Фельдман 2009, с. 100–112].

Показательный пример: замечание Б. Миронова о спорности наличия сословных характеристик у рабочих России в работе М. Фельдмана (см. [Миронов 2017^b, с. 104]), по сути, не имеет адресата: в указанной Мироновым статье относительно 1917 г. речь идет о рабочих казенных заводов Урала, наследовавших с 30-х гг. XIX в. определенный комплекс *прав и привилегий*, земельные участки и, как правило, рабочие места на предприятиях [Фельдман 2006, с. 303]. Местные рабочие уральских *частновладельческих* заводов тоже наследовали земельные и лесные наделы, но на правах держания. К 1914 г. процесс землеустройства в основном завершился только в казенных и посессионных округах Урала, где земельные наделы получили 95–96% жителей, а владенные грамоты (документы о праве на собственность) – соответственно, 85% и 30–40%. В частновладельческих округах к 1917 г. было официально отграничено 60% земель наделного фонда, но выдача владенных грамот только начиналась [Алеврас 1996, с. 194–197, 201]. При этом часть рабочих (пришлые) – своеобразный вариант “иногородних” в казачьих округах – оставалась без права на земельные наделы, то есть на положении пролетариев. Сам факт сохранения к 1917 г. передаваемого по наследству комплекса прав и привилегий у части промышленных рабочих говорит об устойчивости сословного строя в России в первые десятилетия XX в. В этой связи Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов, принятый ВЦИК и утвержденный СНК в ноябре 1917 г., означал, скорее, перемену в документах, чем изменение в менталитете и социокультурных характеристиках населения страны.

Спорен и тезис Миронова о высокой политизированности рабочих России [Миронов 2017^b, с. 107]. Автор отмечает, что сила политического протеста рабочих даже в январе–феврале 1917 г. была существенно ниже, чем в 1905 г.: число политических демонстраций за 1914–1917 гг. зафиксировано почти в семь раз меньше, чем за 1901–1904 гг. Почти все политические демонстрации в стране переместились в Петроград и Москву. В январе 1917 г. лишь в 20 из 50 губерний Европейской России были зафиксированы стачки. При этом 57% всех стачек и 75% политических стачек произошли в Петроградской и Московской губерниях, то есть фактически в двух городах-столицах. Подобная закономерность прослеживалась и в 1915–1916 гг. Петроград и Москва с окрестностями по накалу забастовочного движения превосходили средний российский уровень примерно в 18 раз! [Миронов 2017^b, с. 111]. Подобная статистика убедительно показывает: высокой политизированностью отличались рабочие двух столиц, но не провинций России. Не случайно триумфальное шествие советской власти в регионах России растянулось на многие месяцы и фактически стало первым этапом Гражданской войны, в которой различные социальные группы рабочих оказались в различных враждующих лагерях.

Ни масштаб, ни содержание забастовочного движения рабочих в марте–октябре 1917 г., ни требования профсоюзных организаций промышленных предприятий России не позволяют говорить о *стремлении* рабочего класса страны к революции. Точно так же минимальное участие рабочих в отрядах Красной гвардии, характер первых декретов советской власти не позволяют назвать революцию “пролетарской” [Фельдман 2012]. Кстати, фронтальный анализ статей, опубликованных в четвертом квартале “юбилейного” 1927 г. в двух ведущих советских идейно-теоретических журналах – “Большевик” и “Пролетарская революция”, не обнаруживает употребления словосочетания “социалистическая революция”; редко встречается выражение “пролетарская революция”

и куда более часто используется словосочетание – “Октябрьский переворот”. Понадобилось десятилетие большевистского правления, для того чтобы у руководства правящей партии окончательно исчезли иллюзии в отношении “самого революционного и передового класса” [Постников, Фельдман 2009, с. 327, 331].

Как известно, лишь сравнительно небольшая часть промышленных рабочих в той или иной степени (активной или пассивной) поддержали призыв леворадикальных сил к захвату власти в октябре 1917 г. [Фельдман 2017]. К сожалению, неосвещенным остается серьезный сюжет о социокультурных характеристиках рабочих, ставших участниками Октябрьского переворота. Можно говорить о доказанном наличии в этом социальном слое малоквалифицированных рабочих, молодежи, пролетарской части рабочего социума. В большевистскую партию пришло немало рабочих, воспринявших идею социализма “всерьез и надолго”, собственно, и “вытянувших” индустриализацию в рамках одного или группы предприятий, региона, отрасли.

Приходится констатировать: столетие Октябрьской революции историки встречают отсутствием исследований о существовании заводских коллективов в течение одного-двух десятилетий после Октябрьского переворота. Судьба политиков, предпринимателей, деятелей искусства нашла отражение в биографических трудах в постсоветской России, нередко – высокого уровня. А вот жизненный путь рабочих, ставших руководителями различного уровня в СССР, оказывается неинтересен в стране победившего капитализма.

Между тем в современном мире история – по-прежнему ключевой элемент этнической, политической и нередко социальной идентичности; “социальные рамки памяти” задают стандарты объяснения событий, тем самым придавая историческим фактам социально-политическое значение [Тихонов 2017, с. 92]. В. Тихонов, исследуя процесс становления мифа об Октябрьской революции, отмечает: приход к власти большевиков запустил процесс нового “мемориально-культурного строительства”, включавший организацию демонстраций, торжественных митингов; установку памятников революционерам и общественным деятелям, писателям и поэтам, философам и деятелям искусств, идейно связанным с большевиками и признанным новой властью. Так коммеморации приобрели функцию утверждения новых ценностей и приобщения к ним человека, советизации его мышления [Тихонов 2017, с. 97].

Миф о социалистическом проекте до сих пор мало изучен в контексте мировой истории. Бесспорно, захват власти большевиками, Гражданская война, насильственный слом традиционных структур – все это стало катастрофой для большинства народов, населявших Российскую империю, пишет А. Назаретян. Что же касается всемирно-исторической роли этих событий, о ней писали преимущественно в русле коммунистической идеологии. Тем не менее многими давно привычными привилегиями (нормированная рабочая неделя, гарантированный оплачиваемый отпуск, бюллетени по болезни и пенсии по старости) мир, по мнению автора, обязан триумфу русских большевиков. Более эффективными для буржуазных элит стали психологические, политические и экономические приемы, направленные на компромисс и размывание классовой структуры [Назаретян 2017, с. 118–119].

Поддерживая в принципе высказанную точку зрения, отмечу: перечисленные социальные достижения родились не в 1917 г.; внедрялись в советскую практику медленно и непоследовательно и первоначально – только для части населения; практически отсутствуют и сравнительные исследования социальной политики в России и в зарубежных странах (например, Скандинавии) на протяжении всего XX в.

Реальностью социалистического проекта, рожденного революцией Октября 1917 г., стала однобокая модернизация, но она не бывает успешной, ведет в ловушку, к провалам исторического развития. В результате разрушенные революцией “недокапиталистическая” индустриализация и старорежимная бюрократия возродились уже в форме социалистической индустриализации и большевистской бюрократии. Секуляризация превратилась в принудительный государственный атеизм [Розов 2017].

В литературе второго десятилетия XXI в. большое внимание уделяется состоянию психики населения в условиях мировой войны и вызванных ею революций.

В статье [Ковалев 2017, с. 23] говорится об огромной роли идеологических и психологических факторов в революциях. Массами порой овладевают идеи, “становящиеся материальной силой”, которые при спокойном и стороннем рассмотрении хотелось бы охарактеризовать как “безумные”. Часто они связаны с соблазном окончательного решения проблем “старого мира” через его уничтожение и переход к “Новой земле под Новым небом”.

В российском случае вековой давности, указывает В. Ковалев, это можно объяснить как малограмотностью населения, так и аномалиями в сознании отечественного образованного класса (возможно, обусловленными недостаточностью такого понятия, как “светский рационализм”); отсюда и повальное увлечение дикими революционными “теориями”. Но в любом случае “психологии” для объяснения революционных завихрений явно мало.

Мысль о невозможности обобщения выводов по поводу характера исторического явления на основе изучения *только одного комплекса источников* как никогда значимо проявилась в канун столетия Октябрьской революции: в пространство журнальных публикаций 2017 г. вошли и статьи, претендующие на глобальность выводов, отталкиваясь от одной, нередко архаичной, теории, и ограниченного круга доказательств. Характерным примером можно назвать статью С. Нефедова, где на основе “фундаментального тезиса” Т. Мальтуса – рост населения в условиях ограниченности ресурсов вызывает падение потребления – доказывается: “...поскольку рост населения в России было невозможно купировать посредством агротехнических мероприятий, то революция была неизбежна” [Нефедов 2017, с. 23]. Однако тот факт, что в период 1908–1913 гг. статистика и характер крестьянских выступлений никак не говорили о революционной ситуации в российской деревне [Крестьянское... 1966, с. 20–25; 492–623], свидетельствует об обратном: последовательное сокращение числа крестьянских протестов; доминирование чисто экономических требований (прежде всего, недопущения повышения арендной платы за землю и прекращения действия арендных договоров); локальный и разрозненный характер конфликтов – указывают на положительный результат столыпинских реформ.

Для подкрепления “фундаментальности” тезиса Мальтуса Нефедов приводит список густонаселенных стран “третьего мира”, охваченных в 1960–1970-х гг. социальными и национально-освободительными революциями, восстаниями и войнами [Нефедов 2017, с. 99–100]. Однако из названных автором 17 пострадавших стран 12 оказываются странами так называемой “социалистической ориентации”, в которых попытка введения “социалистического проекта” по советскому образцу действительно обернулась крахом экономики, гражданскими войнами, голодом, эпидемиями, несмотря на миллиардные инвестиции из СССР. “Зеленая революция” во второй половине XX в. в большинстве стран Азии, Южной Америки, части африканских стран позволила не только прокормить увеличивающееся население Земли, но и улучшить качество его жизни [Мировая... 2003, с. 316, 592–593], опровергая пророчества Мальтуса.

Немного найдется историков, которые когда-нибудь не клялись бы в верности многофакторному методу исследований. Но реальность прошлого века, первых десятилетий нынешнего показывает совсем иное: идет, как правило, углубленное изучение *одного* фактора исторического развития, полезное для накопления эмпирических сведений и малопригодное для понимания интегрированной совокупности характеристик исторического процесса. Абсолютизация собственных узконаправленных результатов исследовательского поиска может вывести гуманитария за пределы научного знания. Интегрированная модель исторического явления требует от исследователя знания компьютерных технологий. Успехи здесь носят локальный характер: в плане выстраивания многомерного исторического видения исторического события гуманитарии отстают от технических специалистов на десятилетия.

Столетие Октябрьской революции выявило ряд примечательных моментов не только для тех, кто еще через сто лет возьмется за изучение особенностей революционного феномена. Во-первых, весьма небольшое число статей на указанную тему в научных журналах говорит о весьма сдержанном интересе исследователей к этому явлению, что открывает дорогу произвольным толкованиям революции на страницах

прессе и, в особенности, на телевидении. Во-вторых, заметно старение контингента специалистов, профессионально занимающихся этой темой. В-третьих, сама ограниченность подачи информации в журналах и СМИ свидетельствует о стремлении части финансовой и политической элиты представить Октябрь 1917 г. как бунт “подлой черни”. В-четвертых, акцентированное внимание на роли внешнего фактора, его абсолютизация, говорят о стремлении тех же сил представить любую оппозицию как разрушительную силу, заодно демонстрируя энергичные усилия ряда историков и публицистов понравиться власти, клеймя “продажных либералов” или таких же “гадких” социалистов. В-пятых, заметно стремление рассматривать основные политические силы, свершившие революцию (армию, национальные движения, политические партии, профсоюзы), как объекты приложения внешней воли, но не как субъекты исторического движения.

Тема Октябрьской революции как формы (повторюсь – “варварской”) сохранения российского государства; выхода из бессмысленной, пожирающей миллионы жизней империалистической войны; выдвижения индустриализации страны как приоритетного стратегического направления только пробивает себе дорогу в научном сообществе. Осмысление и переосмысление судеб видных деятелей Октябрьской революции 1917 г. находятся в самом начале пути, наталкиваясь на затруднительность доступа к архивным материалам, прямое уничтожение воспоминаний о людях, казненных в конце 1930-х гг.

Расхождение взглядов исследователей на характер и причины Октябрьской революции – вполне нормальное явление. Но до тех пор, пока оно не деформируется воздействием со стороны властных структур. Большинство историков рассматривают события Октября 1917 г. как вариант буржуазно-демократической революции, признавая, что в условиях политического цейтнота и совмещения нерешенных ранее задач ультра-левая, уравнилельская форма революции с первых же дней советской власти была окутана мифологическими конструкциями. Прочность этих мифологических представлений определяется как десятилетиями пропаганды в коммунистическом государстве и приписыванием достижений индустриального общества “социалистическому проекту”, так и убеждениями потомков тех, кто “был ничем, а стал всем”. В то же время для новой (современной) российской буржуазии память о революции 1917 г. не несет ничего, кроме ужаса и отвращения, вызывая поиск новых мифологем и готовность отбросить девальвированную в большевистской пропаганде и советской практике идею “социальной справедливости” как вектора социальной политики.

Трагизм событий революции и насильственной “советизации” российской жизни заслоняет созидательную сторону общественного переустройства в нашей стране. Незавершенность формирования экономики и социальной структуры, характерных для постиндустриальной стадии развития, слабость гражданского общества в современной России затрудняют объективную оценку Октябрьской революции и ее последствий, порождая и слабость научного инструментария исторической науки, невысокий уровень владения компьютерными технологиями, впрочем, характерный для большинства населения страны в целом. Тем не менее даже тот ряд журнальных научных статей, который был опубликован в 2017 г., позволяет историкам, политикам, читателям немного продвинуться в познании целой Вселенной по имени “Октябрьская революция 1917 г. в России”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алеврас Н.Н. (1996) Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск: Челяб. гос. ун-т.

Бузгалин А.В. (2013) Интерлюдия. СССР: оптимистическая трагедия // СССР. Незавершенный проект. Размышляя о марксизме. М.: ЛЕНАНД.

Булдаков В.П. (2017) 1917 год: лица, личины и лики революции // Россия и современный мир. № 1. С. 6–20.

- Ганин А.В. (2016) Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле.
- Дробижев В.З. (1966) Главный штаб социалистической промышленности (очерки истории ВСНХ. 1917–1932). М.: Наука.
- Ковалев В.А. (2017) Есть у революции начало? (Статья 1) // Россия и современный мир. № 1 (94). С. 21–34.
- Красин Ю.А. (2017) Величие и трагизм советского эксперимента // Политические исследования. № 1. С. 10–23.
- Крестьянское движение в России. Июнь 1907 – июль 1914 гг. Сборник документов (1966) М.; Л.: Наука.
- Макмикин Ш. (2017) Деньги для Ленина (<https://www.svoboda.org/a/28656609.html>).
- Материалы круглого стола “Российские революции: 90 лет спустя”. 23 и 30 октября 2007 г. в ИРИ РАН (2008) // Отечественная история. № 6. С. 167–211.
- Медушевский А.Н. (2017) Понять Русскую революцию: идеология, институты и формы социальной мобилизации в XX веке // Общественные науки и современность. № 4. С. 98–113.
- Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет (2003) М.: ЮРИСТЪ.
- Миронов Б.Н. (2017^a) Рабочие в революции 1917 г.: субъект истории или пушечное мясо? // Социологические исследования. № 2. С. 24–35.
- Миронов Б.Н. (2017^b) Российский пролетариат начала XX века – революционный авангард, гегемон или маргинал? // Общественные науки и современность. № 3. С. 97–119.
- Назаретян А.П. (2017) Большевицкая революция в российской и мировой истории // Общественные науки и современность. № 4. С. 118–119.
- Нефедов С.А. (2017) Русская революция – трагическая случайность? // Общественные науки и современность. № 4. С. 96–107.
- Никонов В.А. (2011) Крушение России. М.: АСТ.
- Оганесян Ю.С. (2017) Столетие войн и революций // Политические исследования. № 1. С. 24–40.
- Орлова Н.Е. (2007) Социальная политика Временного правительства (март–октябрь 1917 г.) // К истории русских революций. События, мнения, оценки. М.: Собрание. С. 350–360.
- Пантин И.К. (2017) Революция и насилие (в защиту исторического подхода оценки Октябрьской революции) // Общественные науки и современность. № 1. С. 140–155.
- Петров Ю.А. (2017) Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. № 2. С. 3–16.
- Постников С.П., Фельдман М.А. (2009) Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1914–1940 гг. М.: РОССПЭН.
- Розов Н.С. (2017) Вектор русской революции 1917 г.: модернизация или контрмодернизация // Политические исследования. № 2. С. 8–25.
- Согрин В.В. (2017) Русская революция и перипетии мировой истории // Новая и новейшая история. № 3. С. 3–28.
- Сыренщиков Н. (1928) Религия и советский школьник // Просвещение на Урале. № 5. С. 14–21.
- Тихонов В.В. (2017) Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. № 2. С. 92–112.
- Фельдман М.А. (2006) Социокультурный облик рабочих уральской промышленности в 1900–1917 годах: историографические проблемы // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск: Каменный пояс. С. 297–311.
- Фельдман М.А. (2012) Была ли Октябрьская революция пролетарской? // Общественные науки и современность. № 5. С. 112–120.
- Фельдман М.А. (2017) Промышленные рабочие России в 1917 г.: подходы к “социалистической” революции // Российская история. № 5. С. 44–61.
- Хавкин Б.Л. (2017) Немецкие “финансовые потоки” русской революции // Вопросы истории. № 10. С. 122–130.
- Хамраев В. (2017) Революция не вызывает гордости у россиян // Коммерсантъ, 12 октября (<https://www.kommersant.ru/doc/3447934>).
- Яковлева Е. (2017) Не надо романтизировать революцию // Российская газета. 2 ноября. С. 2.

Scientific publications of 2017 to the centenary of the October Revolution and Russian society

M. FELDMAN*

*Feldman Mikhail – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural Institute of Institute of management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: bld. 66, 8th March str., Ekaterinburg, 620990. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the most notable articles in scientific journals, 2017, the centennial of the October revolution, which allows us to trace the evolution of approaches of the researchers in the context of the evolution of the state of modern Russian society. It is concluded that the divergence between the views of researchers on the nature and causes of the October revolution – quite normal – as long as it is not de-formed by the influence from the authorities. Indicated positive changes in historiography October 1917: most historians consider the events of October 1917 as a variant of the bourgeois-democratic revolution, difficult to understand the ultra-leftist, revniteley form of revolution from the first days of Soviet power is shrouded in mythological structures.

Keywords: October revolution, Russia, approaches, the Bolsheviks, the nation-wide mass, modernization, history, elite, workers, society, party.

REFERENCES

Alevras N.N. (1996) *Agrarnaja politika pravitel'stva na gornozavodskom Urale v nachale XX v.* [The agricultural policy of the government on Gornozavodsk Urals in the early twentieth century]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Univ.

Buldakov V.P. (2017) 1917 god: lica, lichiny i liki revoljucii [1917: faces, masks and images of the revolution], *Rossija i sovremennyy mir* [Russian Federation and Contemporary World], no. 1, pp. 6–20.

Buzgalin A.V. (2013) Interljudija. SSSR: optimisticheskaja tragedija [Interlude. USSR: optimistic tragedy], *SSSR. Nezavershennyj proekt. Razmysl'jaja o marksizme* [The USSR. Non-completed project. Thinking about Marxism]. Moscow: LENAND.

Drobizhev V.Z. (1966) *Glavnyj shtab socialisticheskoy promyshlennosti (ocherki istorii VSNH. 1917–1932)* [The headquarters of socialist industry (studies in the history of the Supreme economic Council. 1917–1932)]. Moscow: Nauka.

Feldman M.A. (2012) Byla li Oktyabr'skaya revolyutsiya proletarskoy? [Was the October revolution proletarian?], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 5, pp. 112–120.

Feldman M.A. (2017) Promyshlennyye rabochiye Rossii v 1917 g.: podkhody k “sotsialisticheskoy” revolyutsii [Industrial workers of Russia in 1917: approaches to “socialist” revolution], *Rossiyskaya istoriya* [The Russian history], no. 5, pp. 44–61.

Feldman M.A. (2006) Sotsio-kul'turnyy oblik rabochikh ural'skoy promyshlennosti v 1900–1917 godakh: istoriograficheskiye problemy [Socio-cultural image of the workers of the Ural industrial relations in 1900–1917 years: a historiographical problem], *Istoriik v menyayushchemsya prostranstve rossiyskoy kul'tury* [Historian in a varying space of the Russian culture]. Chelyabinsk: Kamenny poyas.

Ganin A.V. (2016) *Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trockom* [The daily life of the General staff officers under Lenin and Trotsky]. Moscow: Kuchkovo pole.

Khavkin B.L. (2017) *Nemetskiye “finansovyye potoki” russkoy revolyutsii* [The German “financial flows” of the Russian revolution], *Voprosy istorii* [Questions of history], no. 10, pp. 122–130.

Khamrayev V. (2017) Revolyutsiya ne vyzyvayet gordosti u rossiyan [The revolution does not cause pride among Russians], *The Kommersant*, October, 12 (<https://www.kommersant.ru/doc/3447934>).

Kovalev V.A. (2017) Est' u revoljucii nachalo? (Stat'ja 1) [Is there a beginning of revolution? (Article 1)], *Rossija i sovremennyy mir* [Russia and the contemporary world], no. 1 (94), pp. 21–34.

Krasin Yu.A. (2017) Velichie i tragizm sovetskogo jeksperimenta [The greatness and tragedy of the Soviet experiment], *Politicheskie issledovanija* [Political studies], no. 1, pp. 10–23.

Krest'yanskoye dvizheniye v Rossii. Iyun' 1907 – iyul' 1914 gg. Sbornik dokumentov [The peasant movement in Russia. June 1907 – July 1914 Collected documents] (1966) Moscow; Leningrad: Nauka.

Makmikin Sh. (2017) *Den'gi dlya Lenina* [Money for Lenin] (<https://www.svoboda.org/a/28656609.html>).

Materialy kruglogo stola “Rossiyskiye revolyutsii: 90 let spustya”. 23 i 30 oktyabrya 2007 g. v IRI RAN [Materials of the round table “the Russian revolution: 90 years later”. 23 and 30 October 2007 at the RAS Institute of Russian History] (2008), *Otechestvennaya istoriya* [National history], no. 6, pp. 167–211.

Medushevsky A.N. (2017) Ponyat' Russkuyu revolyutsiyu: ideologiya, instituty i formy sotsial'noy mobilizatsii v XX veke [To understand the Russian revolution: ideology, institutions and forms of social mobilization in the twentieth century], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 4, pp. 98–113.

Mironov B.N. (2017^a) Rabochiye v revolyutsii 1917 g.: sub'yekt istorii ili pushechnoye myaso? [Workers in the revolution of 1917: the subject of history or gun meat?], *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological researches], no. 2, pp. 24–35.

Mironov B.N. (2017^b) Rossiyskiy proletariat nachala XX veka – revolyutsionnyy avangard, gegemon ili marginal? [The Russian proletariat of the early twentieth – century revolutionary vanguard, hegemonic or marginal?], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 3, pp. 97–119.

Mirovaya ekonomika: global'nyye tendentsii za 100 let [The world economy: global trends over 100 years] (2003) Moscow: Yurist.

Nazaretyan A.P. (2017) Bol'shevistskaya revolyutsiya v rossiyskoy i mirovoy istorii [The Bolshevik revolution in Russian and world history], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 4, pp. 118–119.

Nefedov S.A. Russkaya revolyutsiya – tragicheskaya sluchaynost'? [Was the Russian revolution a tragic accident?], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 4, pp. 96–107.

Nikonov V.A. (2011) *Krusheniye Rossii* [The Collapse of Russia]. Moscow: AST.

Oganesyan Y.S. (2017). Stoletiyе voyn i revolyutsiy [A century of wars and revolutions], *Politicheskkiye issledovaniya* [Political studies], no. 1, pp. 24–40.

Orlova N.E. (2007). Sotsial'naya politika Vremennogo pravitel'stva (mart-oktyabr' 1917 g.) [Social policy of the Provisional government (March-October 1917)], *K istorii russkikh revolyutsiy. Sobytiya, mneniya, otsenki* [To the history of Russian revolutions. Events, opinions, evaluation]. Moscow: Sobraniye, pp. 350–360.

Pantin I.K. (2017) Revolyutsiya i nasiliye (v zashchitu istoricheskogo podkhoda otsenki Oktyabr'skoy revolyutsii) [Revolution and violence (in defense of the historical approach of the October revolution)], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 1, pp. 140–155.

Petrov Yu.A. (2017) Rossiya nakanune Velikoy revolyutsii 1917 g.: sovremennyye istoriograficheskiye tendentsii [Russia on the eve of the great revolution of 1917: contemporary historiographical trends], *Rossiyskaya istoriya* [The Russian history], no. 2, pp. 3–16.

Postnikov S.P., Feldman M.A. (2009) *Sotsiokul'turnyy oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1914–1940 gg.* [Socio-cultural image of industrial workers in Russia in 1914–1940]. Moscow: ROSSPEN.

Rozov N.S. (2017) Vektor russkoy revolyutsii 1917 g.: modernizatsiya ili kontromodernizatsiya [The vector of the 1917 Russian revolution: modernization or counter-modernization], *Politicheskkiye issledovaniya* [Political studies], no. 2, pp. 8–25.

Sogrin V.V. (2017) Russkaya revolyutsiya i peripetii mirovoy istorii [The Russian revolution and the vicissitudes of the world history], *Novaya i noveyshaya istoriya* [The Modern and Current History], no. 3, pp. 3–28.

Syrenschikov N. (1928) Religiya i sovetskiy shkol'nik [Religion and the Soviet schoolboy], *Prosveshcheniye na Urale* [Enlightenment in the Urals], no. 5, pp. 14–21.

Tikhonov V.V. (2017) Revolyutsiya 1917 goda v kommemorativnykh praktikakh i istoricheskoy politike sovetskoy epokhi [The revolution of 1917 in commemorative practices and historical politics of the Soviet era], *Rossiyskaya istoriya* [The Russian history], no. 2, pp. 92–112.

Yakovleva E. (2017) Ne nado romantizirovat' revolyutsiyu [There is no need to romanticize the revolution], *Rossiyskaya Gazeta* [Rossiyskaya gazeta], November 2, p. 2.